

«Лучший в архангелогородском посаде писец в прозе и стихах»:

А. И. Фомин и его сочинения

Судьба Александра Ивановича Фомина, архангелогородского купца, ставшего членом-корреспондентом Императорской Академии наук, — яркое свидетельство того, какие возможности открыло перед представителями самых разных сословий в России XVIII столетие. Столетие, за которое Россия, пережив множество потрясений, прошла путь, занявший у Западной Европы едва ли не в три раза больше времени.

Фомин, безусловно, сын своей эпохи, но, пожалуй, еще больше он — сын своей земли. Экономическая, политическая и культурная ситуация на Русском Севере располагала к появлению активных граждан, граждан в высоком смысле этого слова, стремившихся к получению образования и участию в общественной жизни. В Архангельской губернии в XVIII в. проживало очень мало дворян и почти не было крепостных крестьян, находившихся в частном владении. Зато здесь существовали большие иностранные общины и было очень сильное влияние старообрядчества. Казалось бы, немецкое или английское влияние должно было вступать в противоречие с купеческим укладом старого толка, особенно в отсутствие высшего сословия. Но подвижность посадской среды, ее коммерческие интересы привели к тому, что к середине XVIII в. в Архангельске сложилась весьма развитая система городского самоуправления и появились неплохие возможности для получения образования. Молодые купцы и мещане, вошедшие в период гражданской активности к началу царствования Екатерины II, имели много точек приложения сил. Более того, именно такие люди стали опорой центральной власти в ее административных реформах. Фомин не был единственным в своем роде: вместе с ним появилось целое поколение граждан нового типа. Так, его ближайший друг

и соратник, Василий Васильевич Крестинин, впоследствии трагически погибший в тюрьме по несправедливому обвинению, тоже был избран в члены-корреспонденты Академии наук. Находясь в постоянной конфронтации с местными властями, Фомин, Крестинин и их менее известные товарищи с энтузиазмом откликались на все инициативы, исходившие из центра, и стремились принять участие в их реализации. Оставаясь искренними патриотами своего края, они видели смысл в реформах, направленных на его процветание, и как могли, способствовали осуществлению этих реформ.

Жизнь Фомина и его творчество очень характерны для той эпохи и того места, в которых они развивались, и потому заслуживают внимания и изучения. Самостоятельную ценность представляют и его труды. Написанные тяжеловесным и несколько диковатым на современный слух и вкус языком (и, как кажется, не только на современный), они завораживают своеобразной «красотой архаизма» и, в то же время, содержат немало интереснейших свидетельств культуры, быта, повседневной жизни Двинского края, отражают картину мира жителя архангелогородского посада.

Александр Иванович Фомин родился в 1733 г. в архангелогородской купеческой семье. Его отец был довольно известным человеком в посаде и, в частности, в 1777—1778 гг. занимал должность бургомистра в губернском магистрате. Архангельск того времени предоставлял купеческим детям больше возможностей для получения образования, чем многие губернские города центральной России. В архиерейскую школу, основанную еще в 1723 г. в Холмогорах, а потом переведенную в Архангельск, принимали не только детей священников. Иностранцы общины содержали в Архангельске две школы (при лютеранской и кальвинистской церквях), в которые принимали и местных детей. Иностранцы купцы нуждались в переводчиках и охотно брали в обучение грамотных русских молодых людей. Многочисленные ссыльные, в том числе из духовного звания, обучали началам наук на дому. Автор подробного обзора образовательной ситуации в Архангельске XVIII столетия даже предполагает существование в это время частных школ.¹ Наконец, в пределах досягаемости находился Соловецкий монастырь, крупнейший образовательный и культурный центр региона.

Точных сведений о том, где именно и как учился Фомин, его биографы до сих пор не имеют. Но он неплохо владел латынью, немецким, французским, а возможно — и другими европейскими языками; несомненно, обучался истории, географии и естественным наукам. Позднее он

¹ Шперк Ф. Ф. Краткий очерк народного образования в г. Архангельске. Архангельск, 1905.

неоднократно писал о том, что в детстве и отрочестве много времени проводил на Соловках; скорее всего, это тоже были годы учения. В частности, сохранившийся в Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург) нотный учебник с владельческой надписью А. И. Фомина 1744 г. свидетельствует о том, что он обучался церковному пению.² Сам Фомин отзывался о своем образовании весьма критически: «То время и обитаемое мною местоположение отказывали вовсе в учительских наставлениях далее грамоты; но привлекало к оным малое количество на матернем языке книг, издаваемых от Академии наук, <...> и сии были первыми руководителями к щастливым тем заблуждениям. <...> Из них немецкая грамматика и Вейсманов “Словарь” доставили мне бедное пособие к вскарабкиванию чрез труднейшия стремнины на некоторое возвышение, с коего, при помощи умножающихся из того ж источника учености книжных изданий и немецких для юношества сочинений, показалась мглстая возможность ко усмотрению, различению и собранию понятий: но для соединения их в связи должно было изобретать самоучныя правила».³ Но в данном случае следует учитывать жанровые особенности текста, из которого приведена цитата. Это благодарственное письмо Фомина в Академию наук по поводу избрания его членом-корреспондентом, предполагающее изрядную долю самоуничижения и обращенное к людям, несомненно более образованным. В то же время, акцент на самообразовании сделан здесь вполне справедливо.

О занятиях Фомина коммерцией в ранние годы почти ничего неизвестно. При рождении он был записан в мещане, но к 1780 г. числился в обывательских книгах купцом второй, а потом и третьей гильдии, а также владельцем сахарной фабрики и капитала в пять тысяч рублей. Зато хорошо известна его общественная и просветительская деятельность.

В 1759 г., в возрасте 26 лет, Фомин, вместе с кругом единомышленников, основал в Архангельске историческое общество для изучения местных памятников старины. Общество это упоминается в источниках под разными названиями, при этом никаких уставных документов, если они и были, не сохранилось. Члены общества занимались археографическими разысканиями: ими, в частности, был обнаружен и впоследствии опубликован один из списков так называемого «Двинского летописца».⁴ Об-

² Федоровская Л. А. «Азбук мусикийского пения» из книг А. Фомина // Книга в России XVI — сер. XIX в.: Книгораспространение, библиотеки, читатель: Сб. науч. трудов. Л., 1987.

³ Огородников С. Ф. А. И. Фомин // Известия Архангельского Общества изучения русского Севера: (Журнал изучения жизни Северного края). 1910. Т. 2. № 3. С. 27.

⁴ Пештиг С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 296—332.

щество просуществовало почти 10 лет, безуспешно добиваясь доступа к городским архивам. В 1786 г. члены «клевретства» обратились за покровительством к губернатору, однако, не получив поддержки, вынуждены были прекратить свою деятельность.⁵

Незадолго до того как перестало существовать историческое общество, Фомин предпринял попытку наладить в Архангельске книжную торговлю изданиями, выпущенными типографией Академии наук. В Академической книжной лавке в Петербурге скопились излишки нераспроданных книг, и тогдашний директор Академии наук граф В. Г. Орлов обратился в городские магистраты с призывом заняться их распространением в провинции. Фомин с энтузиазмом взялся за дело. Во-первых, он составил список из 142 наименований изданий, которые просил прислать для распространения (некоторые до 20 экземпляров). Больше половины в этом списке — учебная и научная литература: учебники, словари, карты и атласы и т. д. Во-вторых, Фомин написал Орлову письмо, в котором внёс свои предложения по налаживанию постоянного снабжения книгами, в том числе на иностранных языках, и периодическими изданиями, причем не только из Академической типографии.⁶ Письмо и список затребованных книг свидетельствуют об осведомленности Фомина в области тогдашнего книгоиздания. Ответа на письмо и предложения Фомина не последовало, а через два года торговля академическими изданиями была свернута по инициативе Академии.

Тем временем у Фомина появились новые возможности для самореализации. Уже с 1760 г. он занимал должность публичного нотариуса, а в 1768 г. вошел в число авторов наказа архангелогородскому депутату Комиссии по составлению Нового уложения, созванной Екатериной II. На эту Комиссию в тот период возлагались большие надежды, во многом не оправдавшиеся. Но для Фомина участие в написании депутатского наказа стало еще одной ступенью в его общественной деятельности. Из последующих должностей Фомина достойно упоминания место заседателя совестного суда, которое он занимал с середины 1780-х гг. до конца жизни, и должность директора народных училищ Архангельской губернии (с 1786 по 1796 г.). В последние годы своей жизни (1799—1801) Фомин избирался гласным Городской думы.

В общественной деятельности Фомина просматриваются два направления. С одной стороны, он стремился участвовать во всех проектах,

⁵ См.: Краткая история о городе Архангельском, сочинена Архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. СПб., 1792. С. 119 (письмо приводится полностью там же: С. 243—247).

⁶ Письмо и список книг опубликованы: *Огородников С. Ф. А. И. Фомин*. С. 20—24.

связанных с развитием городского самоуправления, и занимать те выборные должности, которые позволяли ему влиять на ситуацию в городе. С другой — предметом его постоянного попечения было просвещение и образование сограждан. Осознавая все недостатки своего собственного образования, он заботился о доступности обучения для всех слоев населения и создания образовательной среды. Начав с организации книжной торговли, Фомин в конце жизни десять лет провел в должности директора народных училищ и с гордостью писал об успехах своих учеников: «Открытое в 1788 г. в Онеге двоеклассное училище представляет тому опытное доказательство; ибо в оном рассаднике разverzание ростков разумных семян поморских приемлет скорое начало, и острота детских понятий не уступает ни одной полосе России; о чем я по должности свидетельствую и хвалюсь».⁷ Другим вкладом в дело развития образования стала статья Фомина об обучении купеческих детей, в которой ставится вопрос о необходимости специального образования для разных сословий.⁸

Отдельного упоминания требует тема масонства Фомина. Первая архангельская масонская ложа, возникшая в 1766 г., была иностранной. Она работала в рамках шведско-берлинской системы, на немецком языке, и носила название «Св. Екатерины» (1766—1787; с 1775 г. — «Св. Екатерины трех подпор»). Среди фамилий членов ложи (их в списках 31) только шесть русских, в их числе — имена Фомина, двух его товарищей по историческому обществу: Василия Нарышкина и Алексея Свешникова, а также младшего брата Свешникова, Андрея.⁹ В 1787 г. ложа «Св. Екатерины» распалась, так как часть ее членов предпочла перейти в союз Провинциальной ложи И. П. Елагина — первой российской масонской системы, претендовавшей на самостоятельность. Но Фомин остался со своими иностранными братьями и в 1787 г. стал основателем новой ложи «Северная звезда». Она была малочисленна, и среди 9 ее членов числились уже только две русские фамилии, одна из которых — Фомин.¹⁰

⁷ Фомин А. И. Описание Белого моря, с его берегами и островами вообще; также частное описание островной каменной гряды, к коей принадлежат Соловки, и топография Соловецкого монастыря, с его островами; с приобщением морского путешествия в 1789 году в оный монастырь, представленное в письмах. СПб., 1797. С. 188.

⁸ Фомин А. И. Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежесюточные сочинения. 1788. Ч. XXIV. Июнь. С. 3—34. См. также публикацию в настоящем издании.

⁹ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 838.

¹⁰ Там же. С. 943.

Это обстоятельство свидетельствует как минимум о тесных связях Фомина с иностранными общинами Архангельска, особенно немецкой. С другой стороны, в сочинениях Фомина не просматривается отчетливого влияния масонских идей, если не считать антиклерикализма, более свойственного другим течениям мысли эпохи Просвещения. Не прослеживается в них и какого бы то ни было мистицизма, характерного для масонской литературы, они скорее подчеркнуто рационалистичны.

После распада исторического общества Фомин не оставил попыток заняться научной деятельностью. Дополнительным толчком к ней, вероятно, послужил визит в Архангельск в 1771–1772 гг. академика И. И. Лепехина и сопровождавшего его студента, будущего академика, Н. Я. Озерецковского. Знакомство с ними открыло Фомину путь в научный мир и заставило обратиться к области естественных наук и исследованию природы своего края. При посредничестве, а возможно и по заказу Лепехина, тогдашнего редактора журнала «Новые ежемесячные сочинения», Фомин начал печатать в этом периодическом издании свои статьи, посвященные флоре и фауне Белого моря, а также местным промыслам.¹¹ В 1789 г. он стал членом Императорского Вольного экономического общества (ВЭО) и начал печататься в серии его «Трудов».¹² Вероятно, поводом для его избрания стал ответ на поставленную ВЭО задачу выяснить причины снижения цен на злаковые культуры, которые Фомин связывал с уровнем «распространения просвещения или гражданственности».¹³ Наконец, в 1795 г. Фомин был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук и на основании этого по городовому положению получил статус именитого гражданина «по учености», дававший ему определенные привилегии.

¹¹ *Фомин А. И.* О производимых в Архангелогородском наместничестве промыслах, о промысле терпентинном, о курении смольном и дехтярном, также о терпентинном масле и пеке // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. V. Ноябрь. С. 73–112; *Фомин А. И.* Опыт исторический о морских зверях и рыбах, промышленяемых Архангелогородской губернии жителями в Белом море, Северном и Ледовитом океанах, с описанием образа тех промыслов // Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. XXV. Июль. С. 24–61; 1790. Ч. XLVIII. Июнь. С. 3–35; Ч. XLIX. Июль. С. 57–62; 1791. Ч. LX. Июнь. С. 39–53; Ч. LXI. Июль. С. 3–16.

¹² *Фомин А. И.* Достоверное известие о худых успехах сельдяной Беломорской компании, составленное из несомнительных свидетельств и опытов // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1793. Ч. XVII. С. 34–40. См. также публикацию в настоящем издании.

¹³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — СПФ АРАН), ф. 2, оп. 5, № 116/5.

Посмертным признанием научных заслуг Фомина стало включение некоторых его статей в четвертый том «Дневных записок путешествия <...> по разным провинциям Российского государства» И. И. Лепехина, для написания которых последний и приехал когда-то в экспедицию в Архангельск. Том этот вышел в 1805 г., после смерти и Лепехина, и Фомина. Его составление по материалам Лепехина было довершено Озерецковским. Включение статей Фомина и его друга и соратника В. В. Крестинина сопровождалось пространным примечанием от 7 августа 1773 г.: «С реки Индиги берегом ходил я на Святой Нос, с конца которого с неописанным удовольствием смотрел на пространство Ледовитого моря, обращая глаза мои в сторону Новой Земли, на которой побывать великое тогда имел я желание. Но <...> оставил мое намерение в надежде на моих истинных друзей, граждан города Архангельска, Александра Ивановича Фомина и Василья Васильевича Крестинина, бывших после того корреспондентами Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, что они соберут и доставят мне всевозможные сведения о Новой Земле, в чем и не обманулся».¹⁴ Из текста не ясно, принадлежит ли фраза об «истинных друзьях» Лепехину или Озерецковскому, но даже учитывая всю литературность этого высказывания, его несомненно стоит рассматривать как свидетельство высокой оценки исследований Двинского края, предпринятых Фоминым и Крестининым.

Первая опубликованная статья Фомина (1786 г.) была посвящена описанию терпентинного (скипидарного), смолокурного и дегтярного промыслов. Описание это очень технологично и довольно сухо, особенно на фоне более поздних работ исследователя. Вторая половина 1780-х гг. для Фомина — время интенсивного поиска стиля. Написанная и напечатанная через два года большая работа о фауне Белого моря и добыче морского зверя значительно более беллетризована. Образцом научной прозы для Фомина, вероятно, служили труды тех же Лепехина и Озерецковского, а также некоторых других академиков. Но в то же время очевидно, что он искал формы выражения своего восторга перед величием природы как Божественного творения. Так, в описании «сельдяного похода», то есть перемещения беломорской сельди на нерест, слышатся почти библейские ноты, отражающие одновременное переживание ужаса и восхищения, присущее, например, ломоносовским одам: «Поход сей представляет человеческому взору огромное, величественное и презурочное зрелище лицами тьмочисленных разнородных животных действующего Естества. Зрители с высочайших корабельных мачт не могут

¹⁴ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 года. СПб., 1805. Ч. IV. С. 122.

вооруженным оптическими пособиями оком достигнуть пределов пространства сребровидным сельдяным блеском покрытой поверхности моря. <...> Сей величественный сельдяной поход, каковым его вообразить возможно, представляет, напротив того, страшный театр поглощения, пожрения и мучения, на котором несметным множеством и более всех сельди истребляются».¹⁵

В то же время научные труды Фомина точны и подробны: он опирается на исследования предшественников, указывает источники информации (часто это свидетельства местных поморов-промысловиков), владеет специальной терминологией. Прекрасным примером короткой аналитической статьи, рассматривающей причины неудачи Беломорской сельдяной компании, является его публикация в «Трудах ВЭО», включающая описание и бытовой стороны коммерческого противостояния архангельских промысловиков-староверов и иностранцев.¹⁶

Итогом творческого сотрудничества Фомина с Академией наук стал главный и самый большой труд его жизни — географическое описание Белого моря с приложением рассказа о посещении Соловецких островов. В предисловии к этой книге Фомин, обращаясь к условному «любезному другу» (возможно, впрочем, что под «любезным другом» подразумевался Лепехин), пишет, что путевые заметки о посещении Соловков он составил еще в 1789 г., но не решался их публиковать из-за «сухости и недостаточества и неясности».¹⁷ К 1795 г. он доработал свои заметки, дополнил их общим описанием Белого моря и отправил в Академию наук для издания. Академическая конференция поручила рассмотрение вопроса о публикации Лепехину, который дал очень осторожный отзыв, указав, что «г. Фомин нередко вдавался в такие рассуждения, о коих он достаточного не имел познания, есть отважные выражения, кои духовное и светское правительство может быть сочтено озорчательными, самый слог индекстативной употребленной учености требует осмотрительного поправления...».¹⁸ Лепехин предложил напечатать «Описание Белого моря...» частями в журнале под его редакцией. Но предложение это не было принято,

¹⁵ Фомин А. И. Опыт исторический о морских зверях и рыбах... // Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. XXV. Июль. С. 26. См. также публикацию в настоящем издании.

¹⁶ Фомин А. И. Достоверное известие о худых успехах сельдяной Беломорской компании...

¹⁷ Фомин А. И. Описание Белого моря... С. 1.

¹⁸ Лепехин И. И. Ученому собранию Императорской Академии наук от академика Ивана Лепехина донесение (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2 — 1795, № 7: Протокольные бумаги, с. 131—144, л. 4—4 об.).

и через два года книга вышла в Академической типографии отдельным изданием.

Книга Фомина состоит из двух частей. Первая представляет собой собственно географическое описание Белого моря, его береговой линии, флоры, фауны и т. д. Последней в этом описании идет характеристика Соловецких островов как природного явления. Здесь Фомин, как обычно, точен и подробен: он перечисляет все известные ему карты Белого моря, скрупулезно отмечает ошибки на них, тщательно описывает все природные особенности беломорского побережья. Вторая часть, представляющая наибольший интерес, посвящена посещению Соловецкого монастыря. Приведя краткую историю обители, Фомин переходит к личным впечатлениям, в которых сочетается восторг перед величием творения человеческих рук и ирония по отношению к монастырскому быту и традициям. Характеризуя повседневную жизнь монастыря, Фомин примеряет на себя маску «исследователя японского царства», то есть использует прием остранения. Он отмечает неопрятность монахов и их необразованность, подчеркивает, что приверженность ритуалу и отсутствие необходимости самостоятельно принимать решения лишает обитателей монастыря способности мыслить, «изошрять разум». Фомин в своем рассказе об одной из важнейших русских святынь подчеркнута антиклерикален. Он не только иронизирует над склонностью соловьян во всех явлениях природы и творениях человека видеть чудеса, но и прямо признает в конце книги, что его поездка на Соловки не была паломничеством, хотя он и вынужден был называть ее так, чтобы получить благословение на пребывание в монастыре.

В «Описании Белого моря...» довольно много авторских отступлений на самые разные темы. Вероятно, Фомин рассматривал эту книгу как возможность высказаться по целому ряду волнующих его вопросов. В то же время он ощущал все преимущества избранного им жанра: традиция сентиментальных путешествий, иногда целиком состоявших из одних отступлений, несомненно повлияла на произведение Фомина. Он рассуждает о «выродочном смраде чужеземных умовредностей», то есть пагубном французском влиянии на русскую культуру, о падении нравственности поморов в результате переселения в Двинский край многих выходцев из центральной России, о причинах неуспеха различных промышленных предприятий в Архангелогородской губернии, которые видит прежде всего в непросвещенности местного населения и т. д. По-видимому, именно эти выражения Лепехин в своем отзыве назвал «отважными» и требующими «поправления».

Стиль «Описания Белого моря...» представляет собой странный гибрид научной прозы с языком сентиментального путешествия, иногда включающим элементы церковного красноречия. Показательно при

этом, что Фомина-писателя высоко ценили его друзья и соратники, Крестинин назвал его «лучшим нынешнего времени в архангелогородском посаде писцом в прозе и стихах»,¹⁹ а сам Фомин считал, что ему свойственна «простота изъяснения».

С одной стороны, текст «Описания» отличают все приметы сентиментального стиля: постоянные обращения к читателю, апелляции к его чувствам, изложение собственных переживаний и т. д. Так, говоря о стоящих на берегу деревьях, Фомин призывает на помощь воображение читателя: «Я не могу ясно изобразить сего трогательного явления, и для сего прошу вас в помощь мне вообразить вид стоящего дерева во время сильного вихря, оборвавшего передние его ветви и согнувшего вершину в боковые отрасли вдоль своего напряжения».²⁰ Еще одной характерной чертой фоминского стиля является утомительная перифрастичность и метафоричность. Возможно, именно здесь следует усматривать следы влияния масонской литературы, в силу своей герметичности тяготевшей к развернутым перифразам и сложным метафорам и оказавшей большое влияние на язык русского сентиментализма. В то же время язык Фомина очень архаичен, особенно на уровне лексики, а синтаксис его тяжеловесен и очевидно восходит к немецкому и латинскому.

Вот, например, описание опасностей охоты на морского зверя: «Легко уже видеть, сколь тесно обычная смелость промышленников сближается с их смертию, и сколь ненадежна нить проворности к удержанию ея пресечения. Часто при самом вскакивании на шугу <...> ламба, за льдину концом задевшая, опровергает смельчака, а водное стремление и собственная его тяжесть вмиг предает его поглощению воде, и часто ветры относят с ним лед на пространство моря, где голод окончивает жизнь его и проворство».²¹ Здесь можно видеть элементы научного стиля, такие как нанизывание субстантивированных конструкций (*удержание ея пресечения*), художественные приемы, например метафоры (*нить проворности, предает поглощению воде, голод окончивает жизнь его*), архаично-возвышенные грамматические формы (*опровергает, окончивает*), диалектные или узкоспециальные слова (*шуга, ламба*), развернутый перифраз (например, первое предложение приведенной цитаты) и т. д.

Вряд ли стилистические особенности трудов Фомина следует объяснять недостаточной компетентностью их автора или какими-либо случайностями. Его позиция в области языка была сознательной и продуманной.

¹⁹ Краткая история о городе Архангельском... С. 23.

²⁰ Фомин А. И. Описание Белого моря... С. 163.

²¹ Там же. С. 61.

В «Письме к любителям российского языка» 1787 г. Фомин рассуждает «о приискании коренных или первообразных слов, породивших многочисленные нынешнего российского языка речения». ²² Он пишет о порче языка, вызванной иноземными влияниями и светским регистром, видя сохранившиеся пласты подлинной лексики в диалектах. По мнению Фомина, возвращение диалектной лексики в языковой корпус поможет восстановить исконный словарный запас: «На сем основании расширение его проистекало бы не из насильственных ему прихотей, но из естества самого языка: следовательно, с природными ему живностями, нежностями, тенями, остротами, важностию, величественностию и прочими свойственными природе его красотами». ²³ По окончании письма Фомин приводит список «двинских речений» с пояснениями, включающий и общераспространенные слова, которые, по мнению автора, утратили свое исконное значение. В этом ключ к еще одной особенности фоминского стиля — его любви к словотворчеству, образованию неологизмов и частому употреблению слов в окказиональных значениях, которые он, видимо, считал исконными. Так, Фомин полагает, что светский писатель должен касаться церковных вопросов лишь «неприкосновенным мимоходом», то есть не затрагивая их всерьез; географические названия, утратившие свою связь с родным языком, он называет «выродочными» (речь идет о повторно транскрибированных с иностранных карт изначально русских названиях).

Внутренние противоречия фоминского стиля выражают не только страстность его натуры, но и специфику его жизненного пути, невозможного для человека его положения еще полвека назад. Воспитанный в традициях своего сословия и своей среды, получив возможность выйти за ее пределы, он гордится Двинской землей и с горечью и болью признает все ее недостатки и даже пороки. Но, адресуясь к столичной аудитории, для которой эта земля остается terra incognita, он с трудом разделяет личный опыт и объективную реальность, а не имея полноценного, систематического образования, произвольно выбирает образцы, на которые равняется. Стремление к научному подходу вытесняется у Фомина любовью к красоте «изъяснения», а радикальный рационализм нередко наталкивается на восхищение неизъяснимым величием Творца и натуры. Но именно в этих противоречиях и отражаются приметы «безумного и мудрого» XVIII столетия.

²² Фомин А. И. Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще... С. 74.

²³ Там же. С. 75.

В Приложении публикуются четыре статьи из творческого наследия Фомина, отражающие диапазон его интересов и дающие представление о его стиле:

1) «Письмо к любителям русского языка» — языковой манифест Фомина, отражающий его лингвистические взгляды и дающий представление об истоках его литературного стиля.

2) «Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках» — полноценный образовательный проект, предлагающий программу специального обучения коммерции. Фомин, успешно занимавшийся торговлей, на личном опыте знал, какие навыки необходимы купцам для успешного осуществления торговли.

3) «Опыт исторический о морских зверях и рыбах...» — самая большая из статей Фомина, включенная впоследствии в «Путешествие...» Лепехина и представляющая собой до сих пор не утратившее своей значимости научное исследование на стыке двух наук: зоологии (описание и систематика фауны Белого моря) и этнографии (рассказ о морских промыслах, записанный со слов местных жителей — охотников). Научная литература, на которую опирается Фомин в данной статье, — это актуальные для своего времени исследования, вряд ли легко доступные в Архангельске, которые автор, скорее всего, получал через своих иностранных друзей. Здесь публикуется введение к «Опыту историческому...», поэтически характеризующее предмет исследования.

4) «Достоверное известие о худых успехах сельдяной Беломорской компании» — критический отзыв о неудачном предприятии, подчеркивающий специфику русского подхода к любым нововведениям и к коммерции в целом.

Тексты приводятся в современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых особенностей авторского письма. Сноски под звездочкой принадлежат Фомину, под цифрами — публикатору.

Письмо к любителям русского языка²⁴

Государи мои!

Издавна размышлял я о приискании коренных или первообразных слов, породивших многочисленные нынешнего русского языка речения, но стремление любопытства моего оставлялось всегда на меже непроницаемой мрачности, в коей стези к дальнейшему течению познания вовсе исчезали. Вы, государи мои, удобно понимаете сего приискания надобность! Любовь ваша к своему матернему разговору доставляет вам о сей важной надобности доказательства не инде где, как в причине бытности всех языков, и в естестве и свойстве нашего собственного сокрываемые и вами извлекаемые. Вы согласитесь со мною в том, что чем более сих коренных слов приискание умножено и чем глубочае в исследование об них внимание устремлено будет, тем больший приобретается успех в познании употребляемого нами языка и тем пространнее разверзется дверь к расширению его из начал, ему свойственных.* На сем основании расширение оное проистекало бы не из насильственных** прихотей, но из естества самого языка: следовательно, с природными ему живностями, нежностями, тенями, остротами, важностию, величественностию и прочими свойственными природе его красотами. Из сих приисканных начал вы, государи мои, как любители русского языка, легко могли бы производить в нем новые имена, глаголы и другие части слова, коих умоначертание и вкус наш требуют и вкусы с умоначертаниями потомков наших требовать будут.

Естьли бы ранее, времен около Владимировых, вошло в русский народ общее познание и употребление букв и естьли бы познание сие и употребление введено было во все области и во все племена, составляющие ныне российский народ, то необходимо б мы имели многие, какого бы то

²⁴ Опубликовано: Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. XI. Май. С. 74–88.

* Не можно уже теперь, кажется, выключить из сих начал тех иноязычных слов, которые вмещались из известных других языков, но древностию в нашем укоренились. Напр<имер>, из татарского: *кушак*, *кафтан*, *халат*, *тын*, *базар* и пр.

** На примере из немецкого: *Wiegen* — важно, уважать, важничая и пр. Ежели сии речения, в наш язык принятые, взять в толкование из их корня, то будет выходить — тяжеловесно, сделать тяжеловесным, кажусь тяжеловесным и тому подобное.

ни было рода, письменные разноплеменные остатки, следовательно, имели бы нарочитую удобность к познанию истории о происхождении и смешении нашего языка, но нравы и умоначертания предков наших не позволяли им нимало заботиться и помышлять о сем нашем наследственном достоянии. Итак, в недостатке сих твердых показателей едва мы находимся в состоянии, заключая из исторических истин, познавать вообще, что корень и основание нашего русского языка есть язык славенский. Он, смешавшись с руссо-варяжским, принимал в свое привмешение в разные времена и в разных областях разнодиалектный чудский язык, состав его искаживший. Потом обладающие Русью татара, внесением повелительного своего разговора, свойство его обезобразили. Наконец же, завоеванные многие разноязычные народы привели его в дивное смешение. Превосходящее, однако ж, количество господствующего славенского языка произвело язык российский, придав ему из многих, в смешение сшедшихся, величественную обширность и могущественную силу к умножительному его распространению.

В таком привмешении, продолжавшемся чрез многие веки, не могли ль родиться производные слова, коих корень с тем или другим языком исчез, оставя их нам за коренные?

Вероятно, что большее начало исчезновения древних сих языков с их диалектами надлежит приписать временам, свободившим российский народ от ига татарского, но скорости сего исчезновения, несомненно, способствовало благополучно утвержденное в России единоначалие. Многие разных российских областей жители, имея нужды, надобности и выгоды пребывать в Москве, приняли вкус приноравливаться к тамошним словам и наречию, а возвратясь в дома, возбуждали в своих соотчичах ревнование подражать разговору царственного города. Без сомнения, сие подражание до того распростерлось, что каждый городской житель за стыд долженствовал почитать пренебрежение неприноравления к сему новому, яко общему уже языку, и всяк возымел как будто некоторое право оговаривать и стыдить того, кто о том покажет нерадение или сделает в выговоре ошибку.

Кажется, могли бы остаться при своей старине живущие в отдалении от городов и больших дорог поселяне, как не имеющие в перемене разговора нужды, тем наипаче, что обстоятельства их жизни меньше других состояний подстрекаемые быть могли от щегольства, но я, не зная о других странах, привожу в пример нашу, прежде Двинскую именовавшуюся, а ныне Архангельскую, область. Из ней издавна уже многочисленными толпами ежегодно переходят крестьяне в Санкт-Петербург, где, работая, проживают по несколько лет, а возвратясь оттуда, приносят с собою вычищенный язык, коим старинный разговор и с ним древние сельские слова истребили.

Из всего вышеписаного последовала непроницаемость, представляющая бесчисленное множество слов российских в неведении, коренные ли они, или производные, из славенского ли они проистекают языка, или из другого, к оному примесившегося. В пример тому служат: *книга, бумага, сундук, ящик, шляпа* и другие многие.

Итак, должен я, повторяя вышесказанное, заключить, что когда мы с древними нашими прародителями посредством их письменосочинений разговаривать не можем, когда современные нам старики изъясняют свои мысли не тем языком, каковому от своих предков научились, и когда поселяне древний свой разговор внесением нового истребили, то не трудно ли найти нить, коя, выведши из лабиринфа, показала бы стезю к приискам простонародных славенских и старинных русских слов, которые, без сомнения, ознаменовали бы многие корни нынешних российских речений?

По щастию, за несколько лет начал я записывать для шуточного употребления приходящие на память слова, во время моей молодости в простонародии употреблявшиеся, ныне же в презрении оставленные, не обходя притом и ребяческих игрушечных речений, которые теперь кажутся техническими словами.²⁵ Сия роспись при размышлениях моих о коренных словах показала, к великому моему удовольствию, в детском игрушечном имени один корень производных нескольких славенских и российских слов, казавшихся мне прежде коренными, каковы суть: *искони, закон, конец* с их отродками.

Сим единым будучи наперво удовольствован и ободрен, советую я вам, государи мои, последовать моему примеру. Страны, в коих вы воспитаны и в коих пребываете, имеют каждая собственные свои простонародные слова, в других областях неупотребительные и незнакомые. Хлебопашество, скотоводство, домоводство, ремесла и рукоделия с их обстоятельствами много принимают таковых речений, кои людям, в других упражнениях обращающимся, а тем более в других странах живущим, вовсе неизвестны. Когда таковые слова собраны будут и обнародованы с объяснением прямого их знаменования, то вам же самим, государи мои, и другим глубокомысленным любителям российского языка подадут они легкий способ к возрождению, оживлению и расширению нашего языка, в естественных ему изображениях.

Собранную мною роспись слов, бывших в употреблении прежде в Двинской нашей стране, при сем издаю, с описанием каждого слова знаменования, в каком оное принималось и что означало, и при том с показанием успеха, сколько я мог в сих словах изобрести коренных слов нынешних российских речений.

²⁵ То есть терминами.

Не могу не признаться, государи мои, в моей робости и боязливости в рассуждении обнаружения сего письма, ибо неученому и не имеющему приличности, согласующей природному званию, писать о не принадлежащем до своего упражнения, особливо ж в нововводимом деле, весьма казалось отважно. Но меня подстрекнуло, так сказать, к сей смелости достойное внимания и последования о злоупотреблениях российского языка письмо, напечатанное в «Новых ежемесячных сочинениях» в IV части на октябрь месяц.²⁶ Неизвестный, но высокопочитаемый мною его сочинитель, как любитель российского языка ревнуя о чистоте на оном сочинения и наставляя о правильном его употреблении, возбудил меня ревновать, по мере моего понятия, о расширении того ж языка по основанным в естестве его средствам.

Я есмь и пр.

**Роспись слов и речений,
из остатков древнего русского языка
в Двинской стране собранных
и по нынешнему образословию изъясненных**

Божонный, бажонный: то же значило, что моленый. Ибо *божить* и *молить*, глаголы действительного залога неопределенного наклонения, прежде одно имели знаменование, то есть «умаливать Бога». Ныне первый глагол в страдательном залоге принимается «в разуме клясться». *Божонный* и *моленый* означали прежде вымоленного от Бога; пример: нежная мать, лелея свою дочку, говорит: *милая ты моя, божоная моя*.

Говеть: принималось в испорченном смысле: поститься. Оттуда произошло *говенье, пост, заговенье* — последний пред постом день, *разговенье* — первый после поста день. Прямой древний смысл сего глагола «быть почтительну». Оттуда *говейн* или *говейный* — почтительный, учтивый; *благоговеть* — высокопочитать, набожность соблюдать.

Ино: да, так; прим.: *ино божонный* — так, сударь.

Истый: подобный, точный; прим.: *Истый во отца* — точно подобен отцу.

Кон: ряд, порядок, заграждение, связь, цепь, место непременимое, постоянное. *Кон* по рабьяческому умоначертанию в играх означал: 1) место, где обыкновенно собирались они играть говьяжьими лодыгами или бабками; 2) *кон* означал ряд бабок, поставленных в прямую линию гнез-

²⁶ См.: Письмо к издателям сих сочинений // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. IV. Октябрь. С. 64–73. Это сатирическая анонимная статья, высмеивающая злоупотребление сравнениями и переносными значениями, якобы непонятными провинциалам (такими, например, как выражение «ужасно хороша»).

дами или четами, составляющий равночленную цепь. Сии гнезда выбивали таковыми ж бабками или каменными плитками, бросая оные из дали в поперешник сея лодыжняны линии, из коей сколь скоро выбьют одно, два или более гнезд, то сей пролом застанавливали взятыми с конца кона гнездами.

Прилежнейшие охотники, обирающиеся завсегда для игры на сие коновое место или кон, назывались *коновыми*.

Из сего имени проистекли и в употреблении были следующие речения:

Након: раз; прим.: *я уже два накона был*.

Покон: обыкновение всегдашнее, оброк или сбор обыкновенным; прим.: *у них уже тот покон*, т. е. таковой обычай.

Покон вирный: сбор, оброк веревочный, на веревочную земляную меру располагаемый.

Конаться, поконаться: настоять в просьбе, повторить просьбу; прим.: *поконайся, брат, хорошенько*, т. е. подокучь, попроси, брат, прилежнее.

Одноконно: неотменно; прим.: *он мне еще лони конался, тбы я одноконно к нему приворотил*, т. е. он минувшего еще года меня убеждал, чтоб я к нему неотменно заехал, зашел.

Исконный: из веков бывший.

Закон: правило, порядок, учреждение. Имя сие введено в наш язык, кажется, после времен Владимировых и Ярославовых, которые законодательства свои называли правдою, наприм.: *правда Русская, правда Ярославля*. Мы не имеем начальных библейных русских переводов, которые были письменные, а первоначальная Острогжская (так! — А. В.) содержит уже «Второзаконие» и пр., но она напечатана в конце шестнадцатого столетия.

Конец: край кона.

Крошни: сума берестяная, носимая крестьянами за плечами для поклажи лесных приобретений; прим.: *доторговался из корабля в крошни*.

Лони: минувшего последнего года. Сие наречие в польском языке в том же смысле употребляется.

Миляш: любовник, украдкою любимый.

Наводить: в детских играх очередь или службу отправлять.

Навóлок: между окружающею рекою высунувшийся мыс, чрез который переход в прямую линию называется наволок.

Опригный: определенный, приставленный к какому-либо делу.

Опружить: опрокинуть, вывалить.

Повёт: большие над скотским двором сени, в кои кладется сено.

Пора: время, сила, мощь, могущество.

Порато: очень сильно.

Пóрен: силен, усилон (так! — А. В.)

Порозно: праздно; прим.: *порозной карман*.

Падера: мокрый снег.

Патрать: непорядочно, худо писать, марать.

Пахать: мести веником или метлою.

Прилук: вогнувшаяся кривизна речного берега, которому противный называется мыс или наволок.

Рада: лесистое, мокрое место.

Ровдуга: на замшаный вид выделанная кожа.

Розно: дировато.

Рынутья: броситься вдруг. Оттуда *риновение*, также рябчьи спросы: *рын или не рын*, т. е. бежать или нет.

Спожé: сокращенное имя звательного падежа: госпоже!

Туяс: берестяной, из береста сделанный цилиндрический сосуд с деревянным дном и крышкою, бурак.

Токб: ежели, буде.

Торгило: выдавшееся что-нибудь из широкого узкое и острое, наприм. у галеры нос, у кареты дышло.

Шáлга: глубокий, отдаленный от селения лес.

А. Фомин, купец архангелогородский

**Письмо к приятелю с приложением описания
о купеческом звании вообще
и о принадлежащих купцам навыках²⁷**

Государь мой!

Хотя я одному вам обещал сообщить мои мнения о купеческом звании, для того что положение ваше, при вступлении в сей класс гражданства, того требовало, но вспомня, что все молодые мои соотчизы, к сему ж состоянию приуготовляющиеся, по самой справедливости, равное вам вразумление заслуживают, предприял я сие нагертание издать в «Новых ежемесячных сочинениях». Я надеюсь, что вы сим не менее будете довольны, рассматривая собранную здесь систему торгового звания вообще, с другими сочинениями.

Не надлежит мне скрывать, что сочинение сие собрано из разных иностранных писателей в один состав еще в 1765 году и было назнатоено введением или первою главою сочиняемой мною тогда книги о бухгалтерии купеческой, которую, привел уже почти к окончанию, намерен я был издать в печать; но несчастные тогдашних времен письмоводнигеские корыстолюбия, справедливое к оным омер-

²⁷ Опубликовано: Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. XXIV. Июнь. С. 3—34.

зение и досада, а наконец переменившиеся мои обстоятельства унизили сие мое предприятие и отняли охоту и время к окончанию сего труда. Сие происходило в то время, когда я в цветущих своих летах служил бухгалтером в купеческой конторе; в нынешнем же возрасте не стыдно уже быть мне для нагинающих купечествовать в виде наставника, коего вразумления естли послужат сим молодым практикам в пользу, то за оные благодарить они вам должны.

*Я есмь вам покорный слуга,
Архангельск
В апреле 1788 года*

О купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках

Давно уже истинная политика, опытами многих веков уверяясь, доказала, что благораспоряженная и свободная торговля рождает в государствах силу и богатство, яко две подпоры, на коих почивает их благополучие и сияние. Умножение народа и втечение сокровищ суть те столпы, на неколебимость коих бдительно взирает око государственного правления. Оно, распоряжая вообще благоизобретения разных выгод и отраслей торговли, честно назирает членов, тело купечества составляющих. Оно смотрит на сведение, просвещение и опытность купцов, ведая, что сии их качества чем далее простираются к совершенству, тем удобнее приводят их в состояние изобретать частные отрасли для своих промыслов и умножать желаемую собственную, а следовательно, и общую государственную пользу. Ибо в сем обстоятельстве могут они уподоблены быть орудиям мастерским и машинам фабричным, которые чем исправнее и способнее составлены, тем искуснее и выгоднее для содержателей производят художества.

Для сего-то во многих государствах, на торговлю наиболее взирающих, в академиях и гимназиях учреждены особые классы, в коих профессоры преподают систематическим порядком учение о коммерции; также заведены купеческие публичные библиотеки и образцовые для всякого рода товаров магазейны, к тому из тамошних типографий, по ободрениям правительств, выходят часто о торговых делах и изобретениях книги. Таковых качеств желают от торгующих государства, а того ж требует и собственная купцов польза, которая состоит в прямом исправлении по званию и промысла и проистекает не из одного голого названия торгового человека или купца.

Звание прямое полным сие приобретается познанием и навыком всего того, что сему имени приличествует. Следовательно, прямой и порядочный купец должен быть в своем промысле совершенно обучен, сведущ и искусен. Сии дарования, составляя его собственный прибыток,

производят совокупно и ожидаемую от него общую пользу и доставляют ему, поелику он член общества исправный и старательный в своем промысле, имя патриота.

Но сколь важен предмет правительств в рассуждении коммерции, столь познания купцов должны быть ответственны в рассуждении их обширности. Оне составляются, во-первых, из необходимых, во-вторых, из нужных и, наконец, из полезных и красных навыков и наук, которые совершенный купец частию всемерно снискать, а частию в нарочитом познании иметь долженствует. Следующее начертание в сокращении покажет, что богатства, приобретаемые торгом, не одним слепым щастием получают, но извлечены бывают большею частию из источников разума осмотрительностию и навыком; и сим подтверждается общее правило, что разум управляет светом, а не фортуна. Ибо хотя вероятно, что искусство и щастие наилучшие ковачи богатства и что опытность чрез продолжение времени и множество разнообразных случаев более, нежели через науки и чтение, приобретается, так же, что щастие само от себя происходит, но и сие бесспорная есть истина, что обученный основательно своему званию купец способнее бывает споспешествовать своему промыслу и навыком своим направлять весы щастия, чтоб оные в его пользу склонялись.

Сии купеческие навыки и познания хотя в самом деле весьма обширны, однако ж о сей обширности как прочих званий люди, так не меньше и сами упражняющиеся в торговле не столь огромно воображают. Но возьмем в пример такого человека, которой бы, не имев ни малого понятия о купечестве, должен был приняться за распродажу разных товаров, за обращение денег, векселей и других торговых действий. Он, видя необходимость сих деятельностей, без сумнения растерял бы капитал или, по крайней мере, ощутительное утратил оно количество, чему довольно видали мы примеров. Без сумнения сами купцы испугаются, увидя ниже толикую громаду понятий и сведений, которые оне в головы свои вместили или вместить необходимо должны. Сей страх, однако ж, никогда не беспокоит, ибо понятия и познания вкореняются сами собою из следующих источников.

Дети торговых людей, обыкновенно обращаясь при отеческих делах, неприметным образом понятиями о торговле напоятся, и когда назначены бывают к отеческому промыслу, то по впечатлению уже многих понятий принимаются за оный не такими руками, как бы принял непривыкший крестьянин. Упражнение их при отцах или хозяевах, коим поручены бывают, предлагает им первые навыки; рачение отцов или хозяев, подстрекаемое собственною их пользою, доставляет им к тому наставления; повседневные обращения в делах снабдевают их опытами, искусством и примерами. Все сие впечатлевает в них, во-первых, множе-

ство нужных и полезных, хотя и смешанных познаний, которые более еще сгромаждаются, ежели случай им даст читать книги о предметах и действиях торговых.

Сии начальные познания, с продолжением лет приходя в большее умножение, распространяются еще и просвещаются: первое, прилежным вниманием дел торговых, второе, путешествиями в другие места, третье, чтением ведомостей публичных и, четвертое, изучением иностранных языков, нужных для предприятото торга.

Чрез прилежное размышление, зрелое рассмотрение, исследование и примечание щастливых и неблагополучных торговых дел, также при многих одновидных случаях неравных последствий и окончаний, в состоянии приходит купец сделать себе правила, которые в будущее время, как меловую нитку, в пользу употреблять можно.

Путешествия в другие города и на ярманки для исправления торговых дел немалое делают в познаниях распространение, ибо купец или ученик его видит на месте тутошние обращения, обстоятельства и обыкновения. Но путешествие в чужестранные земли молодого человека, который намеряется предпринять торг иностранный, сверх расширения его познаний о делах торговых, обнадеживает размножением самой его торговли. Однако ж сии выгоды тогда только могут быть надежны, когда путешествие сие предприимется не рановременно, но в полных летах, когда уже разум придет в зрелость, и имев хорошее воспитание, снабден познанием света и довольным сведением и опытностию дел торговых, особливо ж тех, в коих он в будущее время упражняться намеревается. Естли уже кто, собою торговать начав, предприимет путешествие, то он имеет осторожность наблюдать единственно пользу оногo странствования и, не вдаваясь излишно в другие любопытства, все свои примечания к сему намерению склоняет. Тогда будет его предметом не одно умножение торгового познания, но совокупно приобретение, чрез персональное обхождение, знакомства лучших купцов. Ибо самоличная бытность на местах торговых, обозрение и исследование многих нужных купеческих обращений и товарных источников, также персональное с купцами честное и разумное обхождение весьма способствует как в приобретениях и расширениях торговых познаний, так в снискании полезного с купцами знакомства и прямого их приятства, насаждающего доброе о достоинстве мнение, надежный кредит и откровенную корреспонденцию.

Чтение публичных ведомостей служит к расширению купеческих познаний часто содержащимися в оных о происшествиях торговых компаний описаниями. Сии описания поощряют купца учиться рассуждать о щастливых и неудачных содержащихся в них дел окончаниях и посредством исследования приводить коммерческое знание в обширнейшее совершенство. Сверх сего в оных ведомостях бывают многие известия,

которые купцу весьма знать нужно для предприятия потребных мер в торговле.

Знание иностранных языков изливаает реки торговых познаний чрез чтение книг, на тех языках о купеческих делах во множестве изданных и издаваемых, и чрез разговоры с приезжающими иностранными, кои удобно доставить могут многие сведения.

По показании источников, из коих купцы почерпают несметное множество торговых понятий и познаний, надлежит оные пересмотреть в совокупленном систематическом виде.

Три суть главные навыки или познания, без коих никто прямым, порядочным и надежным купцом именоваться не может, почему оные и почитаются за необходимые, и суть: первое — познание товаров, второе — искусство торговли и третье — навык купеческой бухгалтерии. Сии три совокупленные познания составляют купечество или прямое звание и должность торгового человека.

А. Познание товаров сколько купцу необходимо нужно, столько обширно, а посему составляет оно особливую и главную торгового звания часть. Она по свойству своему занимает первое место; ибо, во-первых, надлежит знать купцу те вещи, которые он покупать, продавать, выменивать и променивать во время своей жизни вознамерился и чрез которые положился получать свое пропитание и искать щастия. Предметы сего познания суть товары, в числе коих все те движимые вещи разумеются, коими купечество и торговля, покупка и продажа производимы бывают.

Кажется, не надлежало бы включать в число товаров деньги и вексели, но как деньги по своему различию в тяжести и доброте разность, так же по многим обстоятельствам в ходячих сортах излишество или недостаток приемлют, то и несут цену и курс разные, вексели ж, по надобностям и обстоятельствам доверия и сроков, покупаются и продаются с вычетом, потому и они как товары в торговле обращаются.

Обстоятельное познание товаров разделяется на роды и виды, тканье, фабрикование, доброты, пробы, сорта, цены и достоинство; на целость и повреждаемость, сохранность и содержание, исправление и приведение в лучший вид, фальшивость и подложность, на надобность и употребление их. Когда все сии статьи или большая их часть приведены в рассмотрение, то по оным не токмо полное рассуждение, какое вообще о товарах берется, но и частное, какое об одном товаре в особенности приемлется, купец располагать уже может. Из сего следует, что познание товаров разделяемо быть должно на всеобщее, то есть что о товарах вообще говорится, и на частное, то есть что о каждом товаре в особенности знать нужно.

Между помогающими в товарном знании средствами, сверх опытности и привычки, почитаются в рассуждении натуральных продуктов или

сырых и неделанных товаров естественная наука; в рассуждении художественных вещей и их мастерства — познание художеств и мануфактур; в рассуждении вообще невыделанных и художественных товаров — неповрежденные чувства, то есть зрение, слух, вкушение, обоняние и ощущение. Книги о товарах, каковы суть на немецком языке Бонов товарный лагерь и Лудовиков полный купеческой лексикон,²⁸ весьма сие знание распространяют, но если бы можно иметь товарный кабинет или собрание проб товарных, то бы он мог служить первым поводом к сему распространению.

Купец, основательное познание о товарах имеющий, нелегко быть может обманут в покупке и при сведении торговли обольщен в продаже. Но хотя он о всех товарах не может обстоятельно навыкнуть знанию, однако ж продукты и рукоделия своей страны, а особливо те товары, которыми он торгует или торговать хочет, должен знать совершенно.

Б. Искусство торговли есть способ и образ покупать и продавать товары и производить прочие торговые обращения. Свои познание или навык не менее предыдущего обширны и купцам, поелику они чрез течение жизни своей торгом содержать себя уповают, необходимо нужны, чего ради оный навык по существу своему особливую и главную, а по порядку вторую часть купеческого звания составляют.

Купец чем более сведущ о товарах, где оные достать из первых, а продать в последние руки способнее, тем более может надеяться себе прибыли. Он должен знать походность и употребление товаров и сие знание размерять надобностями, употребленими и переменами мод. Если он достает товары из других мест, зная о ценах их по известиям, то должен ведать способность перевозки и все потребные расходы, и потому вычислить наперед, в какую цену товар в то место станет, где он продать его намерен. Когда он торговлю сию не самолично производит, то употребляет к тому комиссионеров, факторов и прикащиков, чинит с оными переписку и производит пересылку денег чрез вексели или в натуре. Если сам торгует, то должен знать способы промыслить товар и продать оный чрез сообщение и обхождение с купцами и чрез маклеров. Он чинит переписку по свойству своего торга, с разными корреспондентами, и чем он более в других местах покупает и продает товаров или исправляет другие

²⁸ *Bohns Gottfried Christian* (1719–1763). *Neueröffnetes Warenlager: Worinnen aller im Handel und Wandel gangbaren Waren Natur, Eigenschaft, Beschaffenheit, verschiedene Arten, Nutzung und Gebrauch, wie auch der Unterschied der guten und verfälschten Waren, der Ort ihrer Erzeugung, ihrer Zubereitung, ihres Einkaufes, und alles, was zur Erkenntniss derselben nöthig ist.* Hamburg, 1763; *Ludovici Carl Günther* (1707–1778). *Eröffnete Akademie der Kaufleute, oder Vollständiges Kaufmanns-Lexicon.* 5 Bd. Leipzig, 1752–1756 (2. Auflage: 1767–1768).

роды торгов, тем более корреспонденцию наблюдает и большей от того пользы надеется. Звание его обязывает иметь полное сведение о различных родах торгов, то есть собственного, комиссионного и складочного или общественного, валового, лавочного, меновного и ярманочного; о промыслах корабельных, фрахтовых и застраховных, о делах фабричных, заводских и ремесленных, о торгах вексельных, заразных и курсовых, ибо сии сведения по случаям и обстоятельствам обнадеживают его полезным упражнением и приобретением корысти.

При всех сих сведениях следует ему быть трудолюбиву, ласкову, обходительну, учтиву, честну, скромну, знающу разные (по свойству своего торгова) языки, умеющу говорить красно и порядочно и, словом, вкрадывающемуся, так сказать, в людей. Надобно, чтоб бодрость и предприимчивость были его удел, осторожность и быстрота мыслей — его щастие, а довольная опытность и осмотрительность — его подпора. Весьма противоестественно купцу быть лениву или тратить время в излишних забавах. Ему должно находить увеселение в деловом упражнении, забаву в обхождении с торговыми людьми, прогулку на бирже или где бывает купцам собрание, препровождение времени в рассмотрении щетов и корреспонденции, отдохновение в чтении книг о торговле и сладкий покой при засыпании с изобретательными о своих пользах мыслями.

Сии краткосказанные качества требуют прилежного и наблюдательного навыкновения, в чем что более успеет, тем более приобретает совершенства в искусстве торговли. Но при всем том купец за самое главное правило почитать должен честность и непоколебимое держание своего слова.* Сию добродетель как в договорах, так и в обещаниях весьма твердо и непременяемо содержать он должен. Она единственно дает купцу имя честного и, обогащая его доверием, привлекает других надежно производить с ним торговлю. Напротиву ж сего, никто, кроме ласкателей, не называет хотя весьма богатого, но неустойчивого честным купцом. Частое употребление неосновательных, хотя и посторонних разговоров и рассказываний лишает купца по мере сего употребления уважительного о нем мнения и доброго кредита.

В. Бухгалтерия наконец составляет третью главную купеческого звания часть и занимает место после торгового искусства по естественному порядку предваряющей покупки или продажи и последующей записки сих действий в книгу. Она есть наука, произведенная основательными заключениями разума. Польза и действие ее состоит в скором, кратком,

* Некоторый иностранный разумный писатель говорит: «Верность и доверие основывается на уверении других людей о врожденном или хорошим воспитанием приобретенном нами наклонении к честности. Каждый человек не исключительно, — продолжает он, — обязан быть честным, но купец добродетель сию необходимо вдвое наблюдать обязан».

ясном и верном показании всего того, что в торгу происходит и в каком состоянии успехи одного существуют. Купец, содержащий книги по правилам двойственной, италийской называемой бухгалтерии,²⁹ всегда и сколь часто ему угодно, ясно видеть может состояние своего торга, то есть, сколько у него денег и товаров в наличестве, сколько долгов на других и другим заплатить должно, когда оным долгам сроки, которой товар или счет принес прибыль или наклад, что и когда по договорам отдать или получить, и наконец видит, сколь велик его собственный капитал. Из сего следует, что всегдашнее сведение и способное обозрение своих дел приводит купца в состояние быть основательным и собственные дела, сколько бы они обширны и разнородны ни были, якобы в зеркале видящим и всегда в виду имеющим.

К сожалению нашему, весьма редких видим мы торгующих соотечественников, которые сию важную торгового звания часть почитают для купечества за необходимую. Но частые падения торговых домов, особливо ж темность и недоказательность причин одного падения, о необходимости знания сей науки свидетельствуют, и одна способность различения честного фаллита³⁰ от бессовестного и бесстыдного банкрота довольным к тому доказательством. Употребление бухгалтерии для купца, особливо ж разные роды торга пространно ведущего, толь необходимо, сколь твердость его состояния ему нужна и сколь без одного упадок непредвидим и часто близок. Ибо где нет порядка, там все клонится к падению. Правда, купец при больших делах, занимающих всю силу его разума в изобретениях, не имеет времени сам производить и содержать свои книги, но для сего употребляет и содержит он искусного бухгалтера, так же причивает и приготавливает к тому детей и молодых служителей, кои, производя частные щеты, составляют бухгалтеру, под его смотрением, деятельное пособие.

Несмотря, однако ж, на то, должен торгующий, для лучшей прочности промысла, знать сам науку бухгалтерию. Ибо необходимо нужно ему иногда для рассмотрения своих дел и счетов и для освидетельствования верности и безошибчивости в производстве книг бухгалтером балансировать разные щеты и извлекать общий из всех щетов баланс или равенство, чего без знания бухгалтерии произвесть нельзя. Осторожность сия тем паче нужна, чем ошибка бухгалтера более бедственна. Бывают еще в торгу и такие приключения, коих или для ненадежных качеств бухгал-

²⁹ Способ ведения бухгалтерского учета, при котором каждое изменение состояния средств отражается на двух бухгалтерских счетах (дебет и кредит), обеспечивая общий баланс. Описание принципов двойной бухгалтерии связывают с именами итальянских ученых XIII в.

³⁰ Неплатежеспособного.

тера или для большей скрытности никому вверить купец не хочет, но они ведены быть должны щетным производством; в таком обстоятельстве бухгалтерия дает способы завести и содержать самому купцу отдельные под избранными титулами с главною сцепляющиеся книги. Для всех сих обстоятельств и для болезни или отлучки бухгалтера надобно купцу самому знать науку бухгалтерии необходимо.

Все благоустроенные народы в совокупленных сих трех главных познаниях звание купца заключают и не признают того купцом порядочным и надежным, который в познании одной из них имеет недостаток.

Хотя предыдущие три, вообще взятые, познания сами собою торговое звание составляют, но для приобретения их и усовершенствования потребны купцу следующие посредствующие познания, подающие способы расширять те главные познания и приводить действие оных в поспешнейшее, надежнейшее и практическое обращение. Почему первые называются необходимыми для составления торгового звания, а последующие — нужными для обогащения оных главных знаний и для деятельности в сем промысле.

- I. Арифметика купеческая, или на торговые предметы обращенная, между нужными познаниями занимает первое место; и как счисления во всех торговых действиях беспрестанное имеют соучастие, того для должен купец всемерно навикнуть выкладки свои поспешно и безошибочно исчислять. Российское купечество по большей части для сих исчислений хотя с пользою употребляет во внутреннем единовидном торге кости, называемые щетами, но для расширения разнородных иностранных дел и многих с ними соединенных действий сии щеты недостаточны; например, интересный щет сими костями хотя и можно без совершенной аккуратности с великим трудом вывести, но арифметика предлагает к тому правила легкие и точные. Наши торгующие соотечественники многие жалким и посмеятельным образом страдают от беспроверки щетов иностранных своих корреспондентов.
- II. Навык чистописания второе занимает место. Купец должен привыкнуть и уметь исправно, чисто и красиво писать, потому что хороший почерк — не одно все преимущество, что, будучи красиво изображен, глаза читателя увеселяет, но особые снижает выгоды и пользу в корреспонденции. Ибо корреспондент, получа писаное четким почерком письмо, изъясняющее ясно мысли писателя, может в скорости оное понять и потому исправное сделать производство. Напротиву ж того, из нечеткого худого письма часто половинный разум понимается, и потому приказы и распоряжения получивший такое письмо неясно

выразумев, неисправно или вовсе по желанию писателя исполняет. Исправному письму научает грамматическая часть орфография, наставляющая выписывать слова правильно буквами и постановлять строчные препинания в принадлежащих им местах; ибо неправильное постановление строчных препинаний делает всегда разум письма темным, трудным и двознаменательным. Купец должен еще привыкнуть писать поспешно и неосшибчиво, чрез что возымет способность при многой корреспонденции великую приобрести пользу от успешности.

- III. Сочинение купеческих писем равно предыдущему нужно для купца, торгующего вне своего места. Исправное, штилеватое и основательное письмо не только делает купцу честь, но достигает наилучше его намерения, с каковыми его сочиняет, нежели нескладное и смешанное с посторонними, к делу мало принадлежащими идеями, каковые часто писателевы мысли неясными читателю представляют. Сии погрешности происходят от непорядочных предложений или от неупотребительных и редко употребительных слов, коих читатель не разумеет. Сочинение купеческих писем должно быть от писем совсем других родов отлично, а сию отличность делают краткие предложения, к коим вступление немногие слова составляют. Разные периоды, составляющие сие письмо, не должны принимать для соединения их риторической связи, но следовать один за другим просто. Сей способ весьма выгоден для много корреспондующих, кои не для показания красноречия один к другому пишут, но для объяснения своих мыслей и желаний. Ибо в приборном образе слов надлежит много терять времени, которое купцу часто весьма бывает дорого, а ясная простота совершенно удовлетворяет приятеля, могущего вдруг просмотреть и вразуметь, что ему знать надобно. Правда, таковое навывковение требует наперед довольного из словесных наук приуготовления.
- IV. Знание действительных и мнимых монет, мер и весов, употребляемых и считаемых в иностранных государствах, купцу, торгующему вне своего отечества, неотменно нужно. Ибо всегда потребно исчислять содержание того государства, с которым оно (так! — А. С.) торгует, денег по курсу и мер и весов по сравнению со своими; а посему и о ценах товарных делать заключение.
- V. Сведение мануфактурных, фабричных и заводских дел весьма нужным между купеческими знаниями считается, потому что оно дает наставление сырые товары выработывать и переделывать в художественные. Польза, каковую купец от мануфактурного познания получить может, весьма велика, ибо он боль-

шее имеет сведение в фабричных товарах и по случаю сам может заводить фабрику.

- VI. Знание торговой географии купцу сколько нужно, столько и полезно. Хотя таковая география проистекает из всеобщей политической географии, но отменяется от оных тем, что при описаниях каждого государства и страны направляет свое повествование наиболее о делах, в торговлю втекающих. Она уведомляет при описании каждой страны о ее естественных и художественных произведениях, о их множестве, доброте и прочих принадлежностях, о морях, озерах, судоходных реках, гаванях, торговых и складочных городах, ярманках, таможенных, пошлинах, сухопутных и судоходных дорогах со всеми другими обстоятельствами, кои купцу знать нужно. Таковое географическое учение наставляет его познания о избытках и недостатках стран, в рассуждении пропитания и роскоши, а потому приводит в состояние посылать свои товары в последние и получать их себе из первых рук. Всяк видит, коль сие знание выгодно для снискания прибылей и похвально для приобретения доброго от людей мнения из основательных разговоров.
- VII. Знание государственных, градских, гильдейских и цеховых прав и учреждений, относительно до торговли касающихся, не токмо своего отечества, в коем кто живет, но и других держав, с коими торгует, весьма для купца нужно. Он должен потому знать все до его промысла касающиеся государственные установления и указы, дабы, следуя оным, мог дела свои производить безбедственно и от разных иногда приметок защищаться доказательно. Правда, не издают еще у нас таковых книг, в коих бы содержались все касающиеся до купцов и до коммерции учреждения, как во многих европейских государствах типографщики и книжные торговцы сие наблюдают; почему и знание сие затруднительно. Но можно иметь в собрании напечатанные в королевских типографиях городское положение, вексельный, таможенный и водоходный уставы, морской пошлинный регламент, тариф настоящего времени и прочие. Собрание и сведение таковых учреждений освобождает купца от многих сетей, от завистливой приказности расставляемых. Производящим торг в иностранные государства нужно знать тамошние морские, вексельные, асекурационные, бодемарейные,³¹ ярманочные, штапельные, таможенные и прочие права, чрез что более пробыть можно без

³¹ Асекурационный — страховой; бодемарейный — связанный с займом под залог судна, получаемый от владельцев капитаном судна.

собственных ошибок и предостеречься от комиссионерских обманов.

VIII. Напоследок нужно купцу познание клеймов товарных, кои бывают разнovidные. Иные кладутся от купцов, другие от фабрикантов, иные от надсмотрщиков фабричных товаров, а иные таможенные и пр. Из сих нужнее всего знать фабричные и надсмотрщиковые фабричных товаров знаки, по коим познается фабрика, где товар делан, и доброта его, надсмотрщиками одобренная.

В сих познаниях состоят нужные навыки, усовершенствующие торговое звание и придающие купцу имя благоискусного; но чтоб приобрести ему название совершенного, то надлежит ему быть научену следующим наукам, украшающим его звание и умножающим его пользы. Оне, не составляя для всех купцов действительной нужды и необходимости, носят имя красных и полезных купеческих познаний, для того что во всех купеческих приключениях могут подать торговле преимущественные и обильные выгоды. Мы их переберем на перечень.

- 1) Коммерц-политика: для познания цели управления государственною торговлею и для составления иногда нужных проектов и донесений, касающихся до сего промысла.
- 2) История естественная и физика: для точного познания обращающихся в торговле натуральных продуктов, их существа, силы и качества, и для предохранения оных от порчи и приведения порченных в годное состояние.
- 3) Механика: для мануфактурных и фабричных дел и для многих пособий, часто при торговле случающихся и несносные расходы навлекающих.
- 4) Визирование или наука счислением мерятельная: для измерения ластов корабельных, бочек винных и пр., для избежания иногда промедлительных и убыточных перемеров.
- 5) Рисовальное искусство: для изображения образцов заказываемых художникам и фабрикантам товаров и надобностей.
- 6) Логика правдоподобная или вероятная: для исследования торговых предприятий, на вероятных мнениях основывающихся, и из заключения по тому о успехе или убытке, последовать могущих.
- 7) Геральдика: для познания иностранных монет.
- 8) Иностранные языки: для разговоров с иностранными торговцами, кроме своего языка не знающими, и для корреспонденции, в иностранном торге необходимой.

Таковые познания и навыки составляют порядочного, благоискусного и совершенного купца. Просвещенные европейцы с сими совершенствами обладали торговлею во всех частях света. Они преимуществуют

в тех народах, где господствует еще невежество или недостаток в сих познаниях, и обогащают убытками их свои страны, умножая обилие и народность оных.

А. Фомин

Купец архангелогородский

Опыт исторический о морских зверях и рыбах, промыслаемых Архангелогородской губернии жителями в Белом море, Северном и Ледовитом океанах, с описанием образа тех промыслов³²

О недостатке познаний о тварях, к царству животных принадлежащих, и о надобности естественной истории морских животных

Нет еще толь изобилующего понятиями разума, ниже толь изощренного учением и опытами пера, которые бы могли познать и описать всех подверженных человеческим чувствам животных. Усиленные труды, предприятия любомудрыми со времен, начавших просвещать человеческие смыслы, и продолжаемые поныне учеными мужами, хотя, кажется, объемлют уже тьмочисленные их прииски, но в рассуждении целого царства животных должны поступить уже почтяться скудным оногo познанием. Сие-то нас руководствует к признанию необъемлемого всемогущества Создателя и неисчислимости созданных его бесконечною премудростию тварей.

Естьли не могли еще быть обозрены все наземные и воздушные удобно видимые животные, закрываемые то пустотою пространнейших степей, то непроницаемостью отдаленных лесов, то дикостию населяющих поверхность земли народов, так что же скажем о насекомых, малозримых и почти невидимых тварях, стройными телами одаренных! Ежели уже в сем состоянии обсушенная земли часть могла обогатить естественную историю множеством животных, то сколь большого числа ожидать мы их можем от вод, две трети поверхности земного шара занимающих? Море, населенное бесчисленными их родами, более всего не допускает испытливых очес к открытию своей бездны, наполненные удивительно оных неведомостию, коя иногда обнаруживается в невероятной огромности чудовищ морских, змиев, краков.³³

³² Опубликовано: Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. XXV. Июль. С. 24—61.

³³ Морской змий и крак (или кракен) — огромные мифологические морские животные. Морской змий описывается как гигантская рептилия

Итак, сколько б ни был кичлив человеческий разум, но не видно еще надежды, чтоб когда-нибудь возмог он себя совершенно уверить и сказать самому себе: я уже все познал. Всеведение, престол свой утверждаешь в неисследимых пределах вечнующей премудрости!

Возьмем в пример о сей необъятности бесчисленного множества морских животных следующее начертание, которое рассказывают самовидцы и дополняют описатели.

Всемирного океана часть северная есть сущее вместилище и источник сельдей, толь охотно нами в пищу по всей Европе употребляемых. Сии малые животные в странах полюсных, под тамошними стоячими степями, составленными из состаревшихся льдов и плавающими пространствами ледяных полей, находят пребывание безопасное от поглощения китов и пожрения меньших зверей, кои не могут жить без частого вдыхания воздуха и потому под упомянутые морские покровы войти не отваживаются. В сих домоограждениях сельди бесчисленно умножаются и жиреют. Но промысл Создателя неведомыми нам пружинами в одно время года вытесняет их оттуда в открытое море и посылает к югу необъятные великости стадами, для насыщения ими больших тварей и в ловитву разумного создания, северо-западные берега Европы населяющего. Поход сей представляет человеческому взору огромное, величественное и преузорочное зрелище лицами тьмочисленных разнородных животных действующего Естества. Зрители с высочайших корабельных мачт не могут вооруженным оптическими пособиями оком достигнуть пределов пространства сребровидным сельдяным блеском покрытой поверхности моря. Они описывают сие пространство не иначе, как пространство десятков миль, густотою сельдей наполненное. Сие стадо, во-первых, окружается и со сторон перемешивается макрелями, сайдою, тикшуями, тресками, ленгами, палтасами и многими других родов плотоядными, одна другую теснящими и сверх поверхности моря обнаруживающимися рыбами. Оная окружная черта рыб знатной широты полосу составляет. Но к умножению пространства смешиваются с нею по окружности звери водноземные: нерпы, серка,³⁴ тюлени, тевяки³⁵ и прочие; а сих стесняют

с большим огненным гребнем на голове, крак — как головоногий моллюск. Первое подробное описание этих животных и свод свидетельств о них составил бергенский епископ Эрик Понтопидан в середине XVIII в. Фрагмент о кракене из сочинения Понтопидана был опубликован на русском языке: Санкт-Петербургский вестник. 1779. Ч. 3. Янв. С. 137—141.

³⁴ Годовалый щенок нерпы, названный так по окрасу шерсти. Взрослая нерпа имеет черный или пятнистый окрас.

³⁵ Серый или длинномордый тюлень.

звери рыбовидные: делфины, белуги,³⁶ акулы, финн-рыба,³⁷ косатки, кашелоты и другие из родов китовых. Оные огромные чудовища в смятении приводятся от собственных их мучителей, толпами их преследующих пильщиков,³⁸ палашников,³⁹ единорогов⁴⁰ и тому подобных.

При таком смятении водной стихии увеличивают представление сего зрелища со стороны атмосферы тучи морских птиц, весь сельдяной поход покрывающих. Оне, плавая по воздуху и на воде или ходя по густоте сих рыб, беспрестанно их пожирают и между тем разногласным своим криком провозглашают торжественность сего похода. Сверх сего множества видимых в воздухе птиц сгущается оный водяными столпами, кои киты, из отдушин своих беспрестанно выпрыскивая до знатной высоты, делают сей воздух, по причине раздробления сих огромных водометов и преломления в них солнечных лучей, радушно блестящим и дымящимся, а совокупно от усиленного шипения и обратного сих водоизвержений на поверхность моря падения буйно шумящим.

Стенание китов, нестерпимым терзанием от их мучителей им принимаемое, подобное подземному томному, но весьма слышимому реву; тако ж звуки ударения хвостов о поверхность моря, сими животными от остервенения производимые, представляют сии шумы страшными и воздух в колебание приводящими.

Сей величественный сельдяной поход, каковым его вообразить возможно, представляет, напротив того, страшный театр поглощения, пожрения и мучения, на котором несметным множеством и более всех сельди истребляются. Он, начавшись от стран Арктического полюса, протягается до высот Исландии, где, отделя одну часть к стороне Гренландии и северной Америки, стремится до крайней Норвегии. Тут паки отделенная его ветвь идет до островов Аркадских и около всей Англии. Следовательно, поход сей продолжается около 40 градусов, считая от полюса, и протягается более 4000 верст, всегда будучи преследуем беспрестанно поглощающими их неприятелями, из которых некоторые одним зевом поглощают их бочешными количествами. В желудке одной выкинутой на берег косатки (как заметили норвежские писатели) найдено более 600 тресок со многими птицами и громадою не изгнивших еще сельдей.

³⁶ Вид зубатых китов.

³⁷ Финвал — один из видов китообразных.

³⁸ Дельфин гринда.

³⁹ Кит-полосатик.

⁴⁰ Нарвал, крупное китообразное с длинным, спирально закрученным клыком. Зуб нарвала часто выдавали за рог единорога.

Несмотря на сие бесчисленное истребление, достигают оставшиеся сии беззащитные твари в несметном еще количестве к берегам и сыскивают убежище в заливах и мелководных местах, куда большие животные гнаться не могут. В сих прикрытиях награждают оне своего рода трату испущением икры и лишение сил приобретением корма, глотая, в свою очередь, подсильных себе животных. Между тем попадают оне в сети человеческие толиким множеством, которое тысячи грузов корабельных составляет. Сие описание хотя к моему делу и не весьма принадлежит, но оно показывает бессметность тварей, в одной части океана обитающих, и совокупно изображает неизглаголанное всемогущество и многообразную премудрость и благодсть Создателя, оныя сотворшего и вся питающего.

Из упоминаемых здесь морских жителей некоторые подлежат к настоящему описанию по поводу их промыслов, производимых Архангелогородской губернии жителями в Белом море, в Северном и Ледовитом океане около Шпицбергена, Новой Земли и лежащих между ими местах. Весьма бы приличествовало здесь изобразить естественную их историю в совершенном виде, которая бы достойна была любопытства для большей части моих соотечественников, потому что нашли бы они в ней сих морских жителей не таковыми, какими их воображают по смешанным понятиям. Усмотрели бы новые виды восхитительных удивлений о бесконечном всемогуществе Творца, страшные бездны океана несметными творениями наполнившего. Великость земного слона показалась бы малою мухою против неизмеренной еще огромности морского крака или морского змия.

Но честь сочинения такового естествословия предоставлена мужам ученым, познание сие расширяющим. Однако ж сожалетельно, что и им предлежит труднейшее препятствие, от коего, так сказать, чернила на пере замерзают. Естли б Минерва с помощью аполлоновой арфы могла уласковать угрюмого Нептуна, испросивши в его царстве возможное, спокойное и безопасное ея клиентам пребывание и упражнение, то б многое число достойных глав увенчано быть могло всегдашнею славою за открытие свету чудес неслыханных.

Покойный доктор Понтоппидан хотя жил при берегах норвежских в Бергене и оставил нам «Натуральную историю»⁴¹ о морских животных, но, несмотря на его ученость и что море пред глаза ему представляло великое множество разнородных своих обитателей, ощутительно, что он сам в ловле описуемых им тварей не упражнялся. Равным образом ка-

⁴¹ Имеется в виду издание: *Pontoppidan Erik Ludvigsen* (1698–1764). *Det første Forsøg paa Norges naturlige Historie*. Kopenhagen, 1752; немецкий перевод книги, который мог читать Фомин: *Versuch einer natürlichen Historie von Norwegen*. Mumme, Kopenhagen, Flensburg, 1753–1769.

жется нельзя и другим славным писателям, при повествовании об отдаленных от них больших животных, обойтись без посредства описателей, заимствующих рассказания от промышленничьих смешанных понятий. Невзирая, однако ж, на то, честь сих писателей уже увенчала, показав чрез них стезю другим достигать подобных или превосходных воздаяний.

Что ж до меня принадлежит, то должен признаться, что я не приготовлен шествовать ученою дорогою. Следовательно, не будучи в состоянии рассматривать физическим оком принадлежащих к моему описанию животных, ниже быв на месте их промыслов, мог когда-нибудь обозреть внешнее их образование и внутреннее телосложение, довольствовался я рассказываниями во многократных приемах самих промышленников. Надлежало раздроблять их сказания, из смешанных понятий проистекающих (так! — А. В.), приводить в отделенные идеи и сделать их ясными. Сие было мне не трудно. Начитавшись доктора Понтонпидана, г. Лудовика Андерсона, Цоргдрагера, Кранца,⁴² также сокращения из системы славного Линнея в натуральном г. Гибнера словаре⁴³ и пр., мог я способно отличить дельное от недостаточного. С сими вспоможениями отваживаюсь приступить к описанию промышленяемых здесь зверей и рыб. Но сие описание не далее простершись (так! — А. В.) может изображения жизненных их обстоятельств, из которых различие их родов явственно начинается, что было одною из причин, побудивших меня взяться за сей труд. Ибо я всегда слышал от своих земляков, у коих море почти пред глазами, имена нерпы, серки и тюленя, как будто принадлежащие вообще ко всем сим зверям, а не так, чтоб каждое означало особенный сих

⁴² *Anderson Johann* (1674—1743). *Nachrichten von Island, Grönland und der Straße Davis, zum wahren Nutzen der Wissenschaften und der Handlung*. Hamburg, 1746; *Zorgdrager Cornelis Gijsbertsz* (ок. 1650 — 1-я пол. XVIII в.). *Alte und neue grönländische Fischerei und Wallfischfang*. Leipzig, 1723. (1-е изд. на голл.: Amsterdam, 1720); *Cranz David* (1723—1777). *Historie von Grönland, enthaltend die Beschreibung des Landes und der Einwohner etc., insbesondere die Geschichte der dortigen Mission der Evangelischen Brüder zu Neu Herrnhut und Lichtenfels*. 2. Auflage. Barby, 1770. Упомянув Андерсона, Фомин неверно называет его имя.

⁴³ Имеется в виду знаменитый «*Reales Staats- und Zeitungs-Lexicon*» немецкого педагога и писателя И. Гюбнера (Hübner; 1668—1731), который написал введение к словарю и многие годы занимался его переизданиями. Первое издание Лексикона вышло в Лейпциге в 1704 г. Это был первый настоящий энциклопедический словарь, содержащий актуальные сведения по истории, географии, экономике и политике. Всего к середине XVIII в. вышло более 20 изданий словаря. Карл Линней (Carl Linnaeus, Carl Linné; 1707—1778) — шведский естествоиспытатель, создатель единой системы классификации растительного и животного мира. Фрагменты его трудов публиковались в словаре Гюбнера.

зверей род. Описание китов, за которых лóблю наши промышленники приняться покушаются, следовать будет из вышесказанных писателей, описание же промыслов составит рассказы промышляющих и их отпускателей или хозяев.

**Достоверное известие о худых успехах
сельдяной Беломорской компании,
составленное из несомнительных свидетельств и опытов⁴⁴**

Хотя бывшую сельдяную компанию привели в замешательство интересанты ее, однако оставшихся членов ее естественная невозможность принудила видеть худые в производстве сельдяного лова успехи. Залив, Белым морем называемый, не снабден от естества ежегодным привалом ужасного множества сельдей, так как голландцы и прочие народы в пространстве океана около Аркадских островов и близ Ютландии обыкновенно оным множеством пользуются. Приходящие тамо ужасные стада сельдей ежегодно дают многим стам промысловых судов довольные, а часто и превышающие их желания помыслы. Но в Белое море зашедшая в тот или другой год несравненно меньшим стадом сельдь расходится около берегов одного залива, гонима будучи добычею корма и пожиранием белуг. Она, заходя в малые заливы, плодится и продолжает чрез несколько лет свое потомство, вылавливаемое в течение одного времени промышленниками даже до нета, естели вновь с Мурманского моря не придет новое стадо.

В течение десятилетнее компания, после первого лета, во многих местах весьма малый сельдяный промысл имела; а в нынешнее время в тех местах опять лов изобильный. Голландские приданные компании промышленники не что иное были, как солильщики, о всем округе лова сельдей, как видно, полного знания не имеющие; они были работники, и потому знали свою токмо должность, а генеральное сведение о сельдяном лове принадлежит одним сооружателям промысловых отпусков. Они начинали ловить в Белом море сельдь в тех же местах, где русские обыкновенно промышляли сделанными на голландский образец сетями, но без успеха. Сети связали они из голландских парусных ниток, вместо чего голландцы употребляют на дело оных тонкую чистую пряжу и персидский дешевый шелк. Толстота ниток была причиною того, что сельдь в ячеи сети не входила и в них не увязала. А по сей неудобности и переде-

⁴⁴ Труды Императорского Вольного экономического общества. 1793. Ч. XVII. С. 34–40.

ланы оные сети по образцу нашему неводами, коими компания лов сельдей производила в малых заливах. И как сии приходящие животные делали привалы к разным местам и по всему пространству Белого моря, то по большей части случалось, что при тех местах, где было множество сетей и ловчих людей, не было сельдей, а где было много сельдей, тамо не было людей. Сему ж подобно происходило с гишпанскою солью и другими нужными припасами.

Но компания, видя свою неудачу в надежном промысле, чему она пособить была не в состоянии, сделалась в промыслах нерадивою и в награждение больших своих убытков попустила служителям своим корытоваться малыми прибытками от приморских жителей, несносную обиду им составляющими. У сих беззащитных крестьян под разными поводами компанейской привилегии отниманы были сельдяные собственные их промыслы, и чрез то приведены они в такое огорчение, что о лове сельдей, пока компания состояла, помышлять они не хотели и старались возможные навесьть ей помешательства; сего еще предосудительнее компания поступала противу своего обязательства о приучении промышленников и жителей к солению сельдей; о сем она, по свидетельству определенных со стороны правительства из архангелогородского мещанства учеников, сделавшихся после голландцев мастерами, совсем помышления не имела. Вследствие того попустила она голландским солильщикам в занятых ими квартирах делать разные своевольства жителям, по закоренелости и грубости нравов несносные, именно же — курение табаку и тому подобное; они, несмотря на брань и омерзение жителей, нарочно шутили окуриванием разных изб, входя в них с трубками. Сие огорчение, умноженное обидами самой компании, до толикой дошло степени, что жители за мерзость почитали не токмо сельдяному солению научиться, но и находиться с ними в одном месте. Вышепомянутые ученые солильщики свидетельствуют твердо, что компанейщики, как выше сказано, или письменно им приказаний не делали о наблюдении голландского образа в приготовлении сельдей и в солении, а тем меньше — при научении промышленников и приморских жителей.

Вот причины худого лова сельдей, худого успеха в рассуждении приучения беломорцев к приуготовлению вкусной из сея рыбы пищи; и сие то препятствовало удивления достойному старанию и желанию Великия Матери быть исполнением увенчанну! Нельзя сказать, что некоторые из сих крестьян не научились, но как нет за ними смотрения, то они наблюдение исправности пренебрегают. А потому, что старым русским образом, и осоля русскою солью сельди, закупоривают с ними бочки; и как оныя усолеют, и должно б их опять докласть сельдями ж, они сию полость доливают рассолом, ища чрез то своей прибыли, дабы бочка казалася полною; но сельдь, не будучи плотно укладена, скоро пропадает,

————— «ЛУЧШИЙ В АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМ ПОСАДЕ ПИСЕЦ...»

и вытечка из не весьма плотных бочек рассола ускоряет сию порчу. О дубовых бочках и говорить нечего, ибо крестьянам их взять негде, а сосновые свойственный сему дереву неприятный вкус сельдям придают. Могли бы они бочки из елового, не столько портящего сельдь, дерева делать, но сия работа большой бы труд им составила по причине неколкости дерева.

Архангелогородский купец Александр Фомин